
«ПРОТИВОДИВЕРСИОННАЯ ЗАЩИТА» ОТ ХАЛАТНОСТИ И БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ: НКВД НА СОВЕТСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.М. Демидов

Посольство России в Киргизской Республике
пр. Манаса, 55, Бишкек, Киргизская Республика, 720001

В статье рассказывается о противодиверсионной защите объектов экономики СССР в годы Великой Отечественной войны, которая являлась важным элементом в системе обеспечения экономической безопасности страны. Эта работа была поручена органам государственной безопасности, сотрудники которых стремились делать все возможное, чтобы фронт бесперебойно получал продукцию, необходимую для победы над врагом.

Ключевые слова: диверсии, объекты экономики, противодиверсионная защита, система экономической безопасности, важный элемент, органы государственной безопасности, Великая Отечественная война, снабжение.

В годы Великой Отечественной войны жизненно важное значение для страны имело обеспечение бесперебойной работы объектов военной экономики. Поэтому с первых военных дней высшее руководство страны потребовало самых решительных мер по борьбе с диверсиями на этих объектах (1).

22 июня 1941 г. нарком государственной безопасности В.Н. Меркулов директивой № 127/5809 «О мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией» обязал нацелить агентурно-осведомительную сеть на своевременное вскрытие и предупреждение любых попыток диверсий на объектах промышленности и железнодорожного транспорта и приказал немедленно провести «изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента» и всех подозреваемых в государственных преступлениях (2).

Большую роль в организации противодиверсионной защиты военной экономики страны сыграла директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям о мобилизации всех сил и средств на разгром германских захватчиков (3). Руководство Советского Союза требовало уничтожать шпионов и диверсантов, энергичными мерами укрепить тыл, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, повести беспощадную борьбу с всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов. Для партийно-государственных органов директива стала основой организаторской и идеологической работы, повлияла на усиление начатой к тому времени НКГБ и НКВД работы по обеспечению охраны важнейших объектов военной экономики (4).

Здесь следует подчеркнуть, что довоенная атмосфера всеобщей подозрительности сказалась на выборе неоправданно широкого круга объектов экономики, подлежащих усиленной охране в глубоком тылу. Содержание нормативных

актов 1941 г. показывает, что в число этих объектов входили: предприятия наркоматов авиационной промышленности, вооружения, боеприпасов, машиностроения, химической, нефтяной промышленности, электростанций и связи, объекты железнодорожного транспорта (пути сообщения, депо, мосты, станции, водоканалы, линии связи и сигнализации, вагонные парки), а также аэродромы, водопроводы, нефтепроводы, водохранилища, электросети, банки и т.д. (5).

Постановлением ГКО № 433сс от 8 августа 1941 г. верховное руководство страны потребовало еще больше усилить охрану важнейших промышленных предприятий, обязало органы НКВД принять в этом самое непосредственное участие и предоставило дополнительные силы и средства. Только на объектах наркоматов авиационной, нефтяной промышленности, наркомата электростанций и «Главнефтьесбыта» численность личного состава войск НКВД увеличивалась на 10 060 человек (6).

Нетрудно подсчитать, что Красная Армия в разгар напряженных боев лишилась более трех стрелковых полков. Так распорядиться людскими ресурсами было бы оправданно при угрозе безопасности перечисленных выше объектов, но реальные диверсионные устремления противника в глубоком тылу в то время не фиксировались. Во исполнение указанного постановления ГКО в тот же день появилась директива НКВД СССР № 314/9404 «Об организации работы экономических отделов НКВД-УНКВД по оперативно-чекистскому обслуживанию предприятий оборонной промышленности», в которой указывалось, что одна из основных задач экономических отделов состоит в пресечении всяких попыток вредительства, диверсии, саботажа (7). Находившиеся под оперативным контролем органов госбезопасности объекты экономики должны были работать без перебоев и обеспечивать стремительно возросшие потребности фронта в военной продукции.

Кроме усиления охраны объектов экономики был ужесточен режим передвижения по стране, ограничен въезд в крупные промышленные центры, а также усилен пропускной режим на объектах оборонных отраслей экономики. Провели перерегистрацию паспортов, а у работающих в промышленности их изъяли. Эвакуированных и беженцев взяли на учет. Одновременно выявляли политически неблагонадежных лиц, чтобы воспрепятствовать их допуску к секретным работам и документам или организовать за ними наблюдение по месту работы на режимных объектах. Этому способствовало введение политического контроля за почтово-телеграфной корреспонденцией и телефонной связью граждан в местах расположения особо важных промышленных предприятий.

Материалы периодических проверок органами госбезопасности особо важных объектов, их охраны и пропускного режима вскрывали серьезные недостатки в этой работе. Например, широко распространенным явлением были грубые нарушения своих служебных обязанностей личным составом военизированной и вахтерской охраны, утрата бдительности при несении службы. Территориальными органами госбезопасности принимались решительные меры по улучшению качественного состава стрелков-охранников, устранению вскрытых недостатков, однако в целом положение оставалось практически на том же весьма низком уровне.

Так, в начале 1943 г. в ходе одной из проверок состояния охраны уральского Кировского завода в г. Челябинске сотрудниками госбезопасности в цехах было задержано 1670 нарушителей режима, в том числе 29 рабочих, самовольно покинувших производство, и несколько десятков человек, вообще не имеющих к объекту никакого отношения: 11 бывших заключенных, бежавших из ИТК, 47 человек «бродяжнического элемента». Некоторые из них по нескольку месяцев жили в наиболее теплых цехах завода, воруя у рабочих продовольственные карточки (8). Вопросам режима многие руководители предприятий порой уделяли настолько мало внимания, что его практически не было вовсе.

Нередко при массовом поступлении «рабочей силы» на заводах не успевали должным образом оформить пропуска, и люди ходили на работу по спискам без предъявления документов, удостоверяющих личность. В условиях, когда каждые рабочие руки были на счету, на работу зачастую принимали людей не только вопреки отказу им в допуске органами госбезопасности, но и вообще не имеющих никаких документов.

Только в течение 1942 г. на заводе им. Кирова и им. Коллюшенко в г. Челябинске было принято без паспортов и прописки 9478 человек, на завод № 24 и № 1 в г. Куйбышеве — 1100 и 800 человек соответственно, на завод № 70 в г. Москве — 911, на завод № 176 в г. Туле — 409, на завод № 8 в г. Свердловске — 356 рабочих. Интересы обеспечения фронта военной продукцией, необходимость выполнения планов любой ценой заставляли использовать непосредственно на режимном производстве не только личный состав расформированных в 1942 г. строительных батальонов и рабочих колонн, но и труд заключенных, передвижение которых по заводу не всегда удавалось регулировать в точном соответствии с инструкциями (9).

Отношение руководителей к вопросам режима наиболее ярко выразил директор завода № 33 Солдатов на объединенном пленуме Молотовского областного и городского комитетов партии в декабре 1941 г.: «Мы сейчас работаем над вопросом ужесточения всего режима работы завода. Завод был проходным двором, рабочих выпускали из завода все, кому не лень. Люди больше думали о картошке, чем о работе. Сейчас категорически запретили выходить с завода без личного разрешения директора завода, а ночью — без личного разрешения дежурного по заводу. Если раньше с завода уходило по одной тысяче человек, то в последнее время с завода выходит не больше пятнадцати» (10). Для этого командира производства режимные меры служили более важной с его точки зрения задаче — не допустить ухода рабочих с вверенного ему завода в течение производственной смены.

По результатам проверок, проведенных несколько месяцев спустя после начала войны, стали появляться выводы, что система охраны того или иного объекта «не обеспечивает безопасности от проникновения» посторонних лиц. «Проникнуть может каждый желающий» (11), — этими словами без преувеличения можно оценить эффективность режимных мер на весьма многих особо важных объектах промышленности. Такое положение могло сложиться лишь в условиях, когда ре-

альная подрывная деятельность противника в глубоком тылу не ощущалась, а потому и не осознавалась.

Исполнение паспортного режима также имело существенные недостатки. Как отметил в своих циркулярах № 223 от 6 мая и № 247 от 13 мая 1943 г. начальник Главного управления милиции НКВД СССР комиссар милиции I ранга Галкин, нарушения паспортного режима носили массовый характер: в результате поголовной проверки, проведенной в январе-феврале 1943 г. в 52 областях, краях и республиках, было выявлено 222 662 нарушителя.

Проверка вскрыла большую «засоренность» режимных городов «уголовно-преступным и всякого рода пришлым элементом». Комиссар милиции подчеркнул, что территориальные органы милиции поддержанием режима так, как того требует обстановка, не занимались, вследствие чего имело место огромное количество фактов многомесячного проживания по поддельным и фальшивым документам и даже вовсе без документов, удостоверяющих личность, и без прописки (12).

В самом начале войны в связи с рядом крупных аварий с большим количеством человеческих жертв и материальным ущербом более чем в миллион рублей появилась очередная директива НКВД № 213 от 26 августа 1941 г. «Об организации противодиверсионной работы на предприятиях оборонной промышленности», и во главу угла было положено форсированное насаждение противодиверсионного осведомления на уязвимых участках. Кроме того, ставилась задача негласного изучения работавших там лиц, прежде всего так называемого «антисоветского элемента». Большое внимание приходилось уделять предотвращению на объектах взрывов, аварий и пожаров.

В приказе НКВД № 00248 от 1 февраля 1942 г. «О пожарах в восточных областях Союза ССР» заместитель наркома Круглов обвинил пожарную охрану, которая, по его словам, на военный лад еще не перестроилась. Серьезность положения заставила ужесточить требования и поднять их на более высокий уровень: сам Берия 24 апреля 1942 г. подписал приказ № 00817 «Об усилении мероприятий по противопожарной безопасности в народном хозяйстве» и потребовал укрепить пожарную безопасность оборонных предприятий, нефтебаз и железнодорожных узлов.

Однако пожары случались, и довольно крупные. Более того, в ряде областей в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилось как количество этих происшествий, так и размер ущерба. В Чкаловской (ныне Оренбургская) области количество пожаров возросло на 12%, а ущерб — на 10%, в Чувашской АССР, Саратовской и Куйбышевской областях эти цифры были еще больше, в Московской области пожаров произошло больше на 63%, в Молотовской области размер ущерба возрос в 3 раза. В Куйбышевской области в 1942 г. произошло 1282 пожара, ущерб от которых составил более 4 млн рублей. 18% загораний случилось из-за халатности на производстве.

Несмотря на усилия территориальных Управлений НКВД, положение в лучшую сторону практически не менялось. В этом легко убедиться, ознакомившись с приказом НКВД № 087 от 9 марта 1943 г. «Об итогах профилактической работы

органов пожарной охраны НКВД за 1942 год». В ряду наиболее неблагоприятных оставались и особо важные объекты, в частности заводы № 1 и № 24 Наркомата авиационной промышленности, изготавлившие штурмовики «Ил-2». На заводах свykлились с захламленностью цехов древесной стружкой, щепой и другими отходами производства, загроможденностью лесоматериалами. На производственных участках хранилось большое количество лаков, красок и других легковоспламеняющихся жидкостей, на полу стояли лужи смазочных материалов. Из-за скопления в цехах сырья и деталей проходы через дверные проемы, подходы к пожарным кранам и местам хранения огнетушителей были затруднены (13).

Аналогичные нарушения имели место и на многих других заводах. Наиболее опасными по последствиям были нарушения на предприятиях Наркомата боеприпасов: несоблюдение технологического процесса и правил техники безопасности приводило к пожарам и взрывам с большими человеческими жертвами. Одно из таких происшествий произошло в середине 1942 г. на заводе № 401. Погибло 13 человек. Материальный ущерб составил 400 тыс. рублей. Оборудование основных цехов было уничтожено. Завод полностью вышел из строя.

В ходе расследования выяснилось, что в цехе, где произошло возгорание, систематически скапливалось большое количество готовой продукции и к моменту пожара только на одном участке находилось 30 тонн термита вместо допустимых одной-двух тонн. Там же была временная электропроводка, не отвечавшая элементарным требованиям пожарной безопасности. Администрация цеха, пожарный надзор и рабочие неоднократно требовали от руководства завода заменить ее, но мер никаких принято не было. На этом основании должностные лица — главный инженер, главный энергетик и мастер электроотдела — были немедленно арестованы.

Одновременно проверили работу райотделения госбезопасности, и последовал вывод: пожар мог быть предотвращен, но райотделение УНКВД не имело информации о грубейших нарушениях техники безопасности. Когда об этом доложили Берия, он приказал арестовать и предать суду за развал работы временно исполнявшего обязанности начальника Миньярского РО УНКВД по Челябинской области сержанта госбезопасности Самарина (14).

Подобным же образом в случае происшествия оценивалась работа оперативного состава начальниками Управлений НКВД. Так, в октябре 1942 г. начальник УНКВД по Горьковской области Рясной приказал арестовать на пять суток старшего оперуполномоченного ЭКО Дмитриева, который, как значится в архивном документе, оперативно обслуживая завод «Красная Этна», не занимался вопросами обеспечения противопожарной охраны завода, в результате чего сгорел волоочильный цех, выпускавший «особо нужную для страны продукцию». В приказе Рясной напомнил: «Еще раз предупреждаю весь оперативный состав ЭКО УНКВД Горьковской области, что они несут персональную ответственность за обслуживаемые объекты» (15). Реализуемый в таких формах принцип личной ответственности способствовал смещению акцентов в работе оперативных подразделений на подмену ими хозяйственных и других государственных органов.

В реальной ситуации того времени интересы текущего момента заставляли руководителей поступать вопреки предупреждениям органов государственной безопасности о неблагоприятном положении дел, что приводило к тяжелым последствиям. Так, в докладной записке УНКВД по Куйбышевской области в местный обком ВКП(б) начальник Управления майор госбезопасности Блинов совместно с начальником ЭКО капитаном госбезопасности Чередниченко указал на ряд взрывов и пожаров на заводе № 15 Наркомата боеприпасов, происшедших в период с октября 1941 по январь 1942 г. Анализ показал, что пожар и несколько взрывов с гибелью 17 рабочих и материальным ущербом более 400 тыс. рублей произошли именно там, где, как указывалось ранее, имели место нарушения технологии и техники безопасности.

В августе 1942 г. Управление НКВД по Куйбышевской области вновь направило в обком ВКП(б) спецсообщение о грубых нарушениях технологии на том же заводе № 15. Через несколько месяцев в тот же адрес ушел еще один документ о нарушениях техники безопасности на упомянутом заводе и на заводе № 309 Наркомата боеприпасов, расположенном в непосредственной близости от первого. Отмечалось, что помещения, где начинялись взрывчаткой реактивные снаряды М-8 и противотанковые гранаты, не отвечают требованиям инструкций: при наличии четырех тонн взрывчатых веществ расстояние до тротилового производства было в четыре раза ближе допустимого. Из-за отсутствия складов продукция хранилась на территории цехов, которые оказались забиты боеприпасами.

В марте следующего года в обком партии поступило очередное сообщение по этим же заводам: по-прежнему небрежное обращение с взрывчатыми веществами создавало серьезную угрозу безопасности объектов. В том же месяце в партийный орган был направлен еще один документ о нарушениях технологии и выпуске брака на заводе № 309. Сообщалось, что директор Вашнев в течение двух месяцев четыре (!) раза ставился в известность о несоблюдении технологического процесса, но мер никаких не принял.

Очередная информация в обком ВКП(б) показывает, что к июлю 1943 г. ничего не изменилось. Директор завода продолжал игнорировать предупреждения и требования органов противопожарной охраны. Все осталось по-прежнему и после того, как в октябре 1943 г. погиб технолог цеха, который, как впоследствии выяснилось, с грубейшими нарушениями технологии и техники безопасности проводил несанкционированные и «оставшиеся неизвестными» опыты.

Итак, информация из Управления НКВД регулярно поступала в инстанции, а положение в лучшую сторону не менялось. События развивались по своей логике. В конце концов, на расположенных по соседству заводах № 15 и № 309 сложилась система повседневных больших и малых нарушений технологии, правил техники безопасности и противопожарных предписаний, сроков ремонта изношенного оборудования. Только по двум мастерским завода № 15 в течение года было зарегистрировано 21 отклонение от технологии, по цеху № 7 — 48 нарушений правил техники безопасности. В акте технической комиссии Наркомата боеприпасов по этому заводу зафиксировано 14 002 «противопожарных недочета» (16).

Вопреки усилиям сотрудников госбезопасности оба объекта упорно шли к трагедии. Она произошла 16 февраля 1944 г. Справка по материалам расследования взрыва на заводе № 15 в г. Чапаевске констатирует: «На оборонных заводах № 15, 309 и в городе убито 63 человека, не найдено 27 человек и ранено 310 человек» (17). 18 очагов пожаров удалось ликвидировать лишь через пять часов, 65 производственных зданий оказались разрушенными. Ущерб, нанесенный заводу и городу, составил свыше 20 690 800 руб. Виновниками гибели людей и материальных ценностей были признаны 10 работников завода во главе с директором и главным инженером.

Из сотрудников Управления НКГБ на этот раз никто наказан не был. Видимо, спасло обилие ранее направленных докладных записок и спецсообщений по взлетевшим на воздух заводам. Информация в партийные и иные вышестоящие инстанции считалась конечным результатом работы даже в тех случаях, если негативные проявления практически оставались неизменными. При сложившейся тогда ситуации экономическая целесообразность как бы запрограммировала случившуюся катастрофу.

Как показывает анализ архивных материалов, причины взрывов, пожаров и аварий не были связаны с реальной подрывной деятельностью противника, а являлись следствием бесхозяйственности, грубейших нарушений правил техники безопасности, преступной халатности или эксплуатации устаревшего и пришедшего в негодность оборудования. Выполняя свои задачи, органы государственной безопасности стремились снизить реальную опасность чрезвычайных происшествий, накапливали опыт работы и улучшали качество руководства секретными сотрудниками и осведомителями-«противодиверсионниками».

Благодаря конкретным и целенаправленным инструктажам многие из них были готовы правильно и, что особенно важно, самостоятельно действовать в сложных ситуациях, в экстремальных условиях. От осведомителей стали поступать донесения о фактах, которые ранее ими как предпосылки к чрезвычайным происшествиям не расценивались. Так, в 1942 г. осведомители ЭКО УНКВД по Горьковской области лично предотвратили 38 аварий из 104, которых удалось избежать по их же сигналам. В том же году по информации противодиверсионного осведомления ЭКО УНКВД по Куйбышевской области были приняты меры и предотвращено 29 взрывов, 17 пожаров, 26 аварий и 41 поломка оборудования (18). Органам государственной безопасности всем этим приходилось заниматься, так как даже незначительные аварии и поломки оборудования порой настолько сбивали ритм производства, что ставили под угрозу срыва выполнение заданий ГКО.

Руководство центральных и местных партийных органов и органов НКВД вопреки реальности не сомневалось, что агенты германских спецслужб в советском тылу активно действуют. Иные мнения подвергались резкой критике. Решительный и беспощадный отпор получали рассуждения об отсутствии агентов врага на той или иной территории. Отсутствие фактов диверсий, вредительства и террористических актов как аргумент безапелляционно отвергалось (19).

Следуя рекомендациям Берия, работники наркомата внутренних дел зачастую оказывали неприкрытое давление на сотрудников местных Управлений НКВД и ради получения нужных показателей работы требовали решительных действий, которые вступали в противоречие с законом. Так поступали не только верные и лично преданные Берия его заместители Кабулов и Круглов, но и их подчиненные. Например, заместитель ЭКУ НКВД СССР Родионов, будучи в Свердловске, руководил расследованием крупной аварии в системе Уралэнерго, обесчистившей на несколько часов большое количество оборонных предприятий. При заведении уголовного дела по факту аварии он настоял, чтобы расследование велось по статье 58-9 УК РСФСР (диверсия).

Следователю Титову, который намеревался возбудить уголовное дело по статье 111 УК РСФСР (халатность) и проявил при этом принципиальность, Родионов выразил политическое недоверие, обернувшееся вскоре исключением из ВКП(б) и увольнением из органов НКВД. Материалы по факту аварии передали другому следователю, и тот выполнил, что от него требовалось: на допросах получил от обвиняемого «признательные» показания о группе работников «Уралэнерго», которые якобы длительное время занимались диверсиями в системе электроснабжения (20).

Как в этом, так и во многих аналогичных случаях сказывалось влияние обозначившейся в правовой практике военного времени тенденции перекалфикации приобретающих повышенную социальную опасность административных и дисциплинарных проступков в уголовные преступления (21). Устойчивой тенденцией можно считать и ужесточение санкций за неосторожную вину работников промышленности и транспорта при наступлении тяжелых последствий, которые виновный хотя и не предвидел, но мог и должен был предвидеть.

В постановлении от 12 февраля 1942 г. Пленум Верховного Суда СССР подчеркнул, что причиненный ущерб государству, государственным предприятиям является существенным обстоятельством при оценке общественной опасности преступления и должен соответствующим образом влиять на определение судом меры наказания. Более того, под влиянием судебной практики и толкования законодательства тяжесть наступивших (или возможных) последствий преступления из отягчающих вину обстоятельств превращалась в существенный признак, образующий состав контрреволюционного преступления.

Всего по статье Уголовного кодекса о диверсии, а также за «диверсионные намерения» за годы войны привлекли к ответственности 1771 чел. В том числе около 22% арестов было осуществлено в регионах, подвергавшихся оккупации, и более 78% — в тыловых регионах; то есть там, где была сосредоточена подавляющая часть производства военной продукции, где люди и оборудование работали на износ, там чаще уголовная ответственность за взрывы и пожары наступала по статье Уголовного кодекса о диверсии.

Анализируя материалы противодиверсионной работы, следует иметь в виду большую роль субъективного фактора при оценке юридических фактов, которые в условиях военного времени квалифицировались как диверсия. Если в результа-

те репрессий производительность труда возрастала, то вместе с этим в партийно-государственных органах росла уверенность в наличии «злой воли», которая ранее мешала нормальному развитию производства. Эта уверенность побуждала все шире использовать репрессивные методы для решения производственных задач.

Иными словами, борьба с «диверсиями» являлась не столько противодействием реальным шпионам и диверсантам, сколько формой привлечения правоприменительных органов к реализации мер по обеспечению бесперебойной работы объектов военной экономики, по повышению ответственности должностных лиц за положение дел на порученных им участках производства в целях максимального увеличения количества выпускаемой продукции для обеспечения потребности Красной Армии и страны в целом. С учетом этого большинство уголовных дел по диверсии к настоящему времени пересмотрены, а репрессированные по ним лица реабилитированы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. — М., 1946. — С. 14.
- (2) Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. — М., 2000. — Т. 2. — Кн. 1. — С. 35.
- (3) Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов и материалов. — М., 1985. — Т. 2. — С. 91—93.
- (4) Там же. — С. 31, 44—49, 70, 88.
- (5) Там же. — С. 20, 24, 25, 28—29, 32, 38, 43, 45, 72, 98, 102, 160, 245, 307—308.
- (6) Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 22. — Д. 1798. — Л. 33; Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. — Т. 2. — С. 222—223.
- (7) Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. — Т. 2. — С. 224.
- (8) Директива НКВД СССР № 94 от 6 марта 1943 г. о состоянии охраны военных заводов.
- (9) Директива НКВД СССР № 223 от 6 мая 1943 г. о недостатках паспортного режима в городах с сосредоточением объектов оборонной промышленности.
- (10) РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 22. — Д. 1725. — Л. 117; Там же. — Оп. 43. — Д. 1208. — Л. 46.
- (11) Центральный государственный архив Нижегородской области. — Ф. 2066. — Оп. 7. — Д. 18. — Л. 28; Архив Управления ФСБ России по Свердловской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 97. — Л. 57—58.
- (12) Директива НКВД СССР № 223 от 6 мая 1943 г. о недостатках паспортного режима в городах с сосредоточением объектов оборонной промышленности.
- (13) Архив Управления ФСБ России по Самарской области (далее — АУФСБСаО). — Ф. 10-и. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 124, 128.
- (14) Приказ НКВД СССР № 001630 от 7 августа 1942 г. «О результатах проверки состояния агентурно-оперативной работы Миньярского райотделения УНКВД по Челябинской области».
- (15) Приказ начальника УНКВД по Горьковской области № 00152 от 17 октября 1942 г. «О происшедшем пожаре на заводе „Красная Этна“».
- (16) АУФСБСаО. — Ф. 10-и. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 44, 59—60; Там же. — Д. 13. — Л. 79; Там же. — Д. 26. — Л. 44.
- (17) Там же. — Д. 26. — Л. 44.

- (18) Архив Управления ФСБ России по Нижегородской области (далее — АУФСБНО). — Ф. 23. — Оп. 6. — Д. 49. — Т. 2. — Л. 126; АУФСБСаО. — Ф. 10-и. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 37.
- (19) АУФСБНО. — Ф. 23. — Оп. 6. — Д. 48. — Л. 57—58; Там же. — Д. 49. — Т. 3. — Л. 3; Там же. ФСД. Арх. — № 55. — Л. 109; РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 43. — Д. 1337. — Л. 16—17; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). — Ф. 423. — Оп. 1. — Д. 115. — Л. 18; Там же. — Д. 122. — Л. 92; Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области». — Ф. 291. — Оп. 2. — Д. 299. — Л. 119.
- (20) ЦДООСО. — Ф. 423. — Оп. 1. — Д. 121. — Л. 231—240; Там же. — Д. 122. — Л. 101—107.
- (21) Например, по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» от 13 апреля 1942 г., невыполнение обязательного минимума из дисциплинарного проступка превращалось в уголовное преступление.

**«THE ANTI-SABOTAGE PROTECTION»
OF NEGLIGENCE AND THRIFTLESSNESS:
NKVD ON THE USSR INDUSTRIAL ENTERPRISES
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

A.M. Demidov

Embassy of the Russian Federation in Kyrgyz Republic
Manas Ave., 55, Bishkek, Republic of Kirguizia, 720001

The anti-sabotage protection of Soviet economic infrastructure during the Great Patriotic War of 1941—1945 had been a critical component of the all-national system of economic security. This function was assigned to the state security apparatus. Correspondingly, Soviet security officers had made every effort to ensure the continuous logistical provision of front army units.

Key words: sabotage, infrastructure during, anti-sabotage protection, system of economic security, a critical component, state security apparatus, the Great Patriotic War, provision.